

Ирина Лазарева

Полшага до мечты

Ирина Александровна Лазарева

Полшага до мечты

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=590925
Полшага до мечты: Центрполиграф; М.:; 2008
ISBN 978-5-9524-3833-0*

Аннотация

Молодая и успешная владелица дизайнерской фирмы Анна живет спокойно и предсказуемо, наслаждаясь любовью уважаемого, богатого мужа Виктора. Ее сын от первого брака, очаровательный малыш Артем, окружен заботой и нежностью. Что еще нужно для счастья матери? Но внезапно в гармоничный мирок Анны врывается удивительная новость, которая становится для женщины сильным потрясением и заставляет пойти наперекор собственной судьбе...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ирина Лазарева

Полшага до мечты

Глава 1

В первых числах сентября резко похолодало, и Анна с мужем и сыном укатили отдыхать в Сардинию. Можно было бы снова поехать в Таиланд или, еще лучше, на Бали – очень уж Ане там понравилось: место, напоминающее, разумеется, туристам рай – только сейчас там сезон дождей, время для отдыха самое неподходящее. Зато через месяц муж обещал отвезти Аню на спектакль в Венскую оперу.

В Италии пробыли восемь дней. Вернулись с жаркого Средиземноморья, а в Москве семь градусов, промозглость, дождь, на улицах вереницы мокрых автомобилей в пробках – зрелище после курорта поистине удручающее, но уже через день распогодилось и наступило дивное бабье лето. Аня решила еще недельку отдохнуть и целиком посвятить себя сыну, пятилетнему Темке. Конечно, совершенно забрасывать работу нельзя, придется иногда заезжать на Воздвиженку, где у нее собственная небольшая фирма по архитектуре и дизайну. Аня занималась дизайном квартир, загородных домов, ландшафтным дизайном, имела солидную клиентуру и опытных сотрудников.

Безусловно, ее доходы не шли ни в какое сравнение с тем, что зарабатывал Виктор, а потому муж ворчал и просил, чтобы жена ушла с работы: никому, мол, ее заработки не нужны, сидела бы лучше дома, воспитывала ребенка и готовила вкусные обеды. Впрочем, настаивать он не смел, так как гнева Анны опасался больше всего на свете.

Деятельный и уверенный в себе мужчина, отличавшийся заметной жесткостью в обращении с людьми, Виктор старался не перечить жене, и коль скоро возникали острые углы в семейных отношениях, обходил их искусно, с особой изобретательностью. Причиной тому в первую очередь была его безграничная, выстрадавшая и наконец удовлетворенная любовь, так как Анны он добивался несколько лет и чего только не делал, чтобы заслужить благосклонность этой с первого взгляда поразившей его воображение молодой женщины. Так совпало, что на момент встречи с Анной минуло два года, как Виктор развелся с первой женой, а Аня как раз оказалась свободной от неудавшегося брака, хотя, несомненно, большой удачей считала рождение в этом браке сына Артема.

Мальчик был похож на мать – большие продолговатые карие глаза, светло-русые волосы, носик кнопкой, точно такой, какой был у Ани в детстве, прежде чем сформироваться в изящную и чем-то пикантную по форме немаловажную деталь ее лица. Аня сердилась, яростно отстаивала свою правоту, когда знакомые находили хотя бы незначительное сходство сына с отцом, предъявляла свои детские фотографии, – и правда: доказательства были неоспоримы...

Аня ходила по обширной, недавно купленной Виктором, богато отремонтированной квартире и наслаждалась ощущением довольства, какое может испытывать молодая тридцатилетняя женщина, у которой есть все: преуспевающий муж, чудесный ребенок, красота и здоровье, жизнь, богатая развлечениями, светский круг знакомых.

Анна долго не решалась зарегистрироваться с Виктором, все тянула, чего-то втайне ждала, наконец уступила, рассудив, что этак можно прождать всю жизнь, и теперь считала, что поступила правильно.

Она заглянула в детскую. Темка лежал в постели на спине, заложив руки за голову, и смотрел на мать сонными глазами.

– Не хочу в детский са-ад, – захныкал он по привычке.

Так начиналось каждое утро – жалобы и капризы, – но, когда няня Юля, по совместительству помощница по хозяйству, приходила забирать его из садика, Темка сердился и не хотел уходить, не доиграв в очень важную игру.

– Пока, Человек-паук! – кричал он кому-то уже из-за ограды детсадовской территории. – Завтра увидимся, друг.

– Пока, Бэтмен! – неслось в ответ. – Все равно мы победили черепашек-ниндзя, ведь правда?

– Ага, и Супермена победим...

– Поди ж ты, как времена меняются, – качали головой старушки на скамейке. – В наше время дети мечтали стать летчиками, моряками, космонавтами, а теперь – черепашками-ниндзя! О-хо-хо...

– А чё видят, в то и играют. Мы первые полеты в космос воспринимали как чудо, а нынче космонавты кому интересны? И не делают ничего, все на орбите торчат, зря только государство деньги на них переводит...

– Во-во, лучше бы пенсии повышали, вместо того чтобы атмосферу палить... – Бабули со знанием дела обсуждали вопросы управления государством, а Юля с Темкой шли дворами к Садовому кольцу и дальше – мимо кинотеатра «Новороссийск» по забитой машинами Покровке, по улице Чаплыгина, оттуда через подворотню на улицу Жуковского, где и проживал Темка с мамой и отчимом. Мальчик по дороге называл марки автомобилей, которые определял безошибочно, хотя наивысший восторг испытывал при виде троллейбуса на Покровке или трамвая на Чистопрудном бульваре...

– Вставай, малыш, позавтракаем и пойдем гулять. – Аня поцеловала мальчика.

Он повис на маме, обхватив ее руками и ногами.

– А Юля придет?

– Нет, сегодня я буду с тобой весь день.

– И завтра?

– И послезавтра, и послепослезавтра, и еще три дня.

– А ты купишь мне рыцаря в красном магазине?

– В красном? Это где?

– Около садика. Поедем на машине, и я покажу.

– Конечно, зайка, куплю. А завтра с утра поедем к бабушке на дачу, договорились?

– К бабе Свете?

– Нет, к бабе Лизе.

Вечером в пятницу мальчика на выходные забирал отец Темки Игорь и увозил на дачу к своим родителям. Бабушки и дедушки со всех сторон задаривали ребенка, хотя баба Света, бывшая Анина свекровь, была построже: ей удавалось накормить внука такими блюдами, какие дома он напрочь есть отказывался. Несмотря на то что ребенка так баловали, Темка был добрым, некапризным мальчуганом, хныкал иногда без видимой причины, как все дети, старших неохотно, но слушался, хотя никого не любил так, как мать.

С Темкой на руках Аня прошла в большую ванную комнату – вторая поменьше, называлась гостевой, хотя была столь же великолепно отделана, как и первая, и даже больше нравилась Ане сдержанностью и искусно подобранными изразцами. Оформлением квартиры Аня гордилась по праву: весь дизайн принадлежал ей, мебель выбирала сама, лишь изредка советуясь с подругами. Виктор полностью полагался на ее вкус и лишь безропотно оплачивал счета.

На завтрак, как всегда, Темка ел кашу. Он был страшным консерватором в еде и признавал только привычные блюда, до обидного простые – никаких кулинарных изысков, никаких смешений продуктов, все только в чистом виде – и баста! Черта с два уговоришь его съесть что-нибудь вкусненькое. Аня пила черный кофе с гренками, сохраняя при любой ситу-

ации хорошую осанку и прекрасные манеры, а Темка энергично выгребал ложкой рисовую кашу из тарелки – кстати, тарелку полагалось подавать синюю, с клетчатым мишкой на дне. Понятно вам?! Не станет он есть из другой тарелки и терпеть нарушения установленного порядка!

– Мам, я уже оделся, – сообщил Темка из детской.

Аня расчесывала у зеркала длинные роскошные волосы.

– Жакет надень, оранжевый с капюшоном, на улице прохладно, – сказала она.

В холле запищал домофон.

– Слушаю, – с недоумением отозвалась Аня, поскольку никого с утра не ждала.

– Простите, мне необходимо поговорить с Анной Иртеньевой, – услышала она мужской голос.

– А с кем я говорю? – спросила Аня.

– Видите ли, я в некотором роде ваш родственник. Мы не могли бы с вами увидеться? Дело очень важное, я бы все вам объяснил.

– Послушайте, родственник, я вас не знаю, уходите, не то вызову милицию, – пригрозила Аня.

– Да, конечно, я понимаю, но, может быть, вы согласитесь выслушать меня где-нибудь в другом месте, которое сами назначите?

– Что вам, собственно, от меня нужно? – начала сердиться Анна.

Мужчина помолчал.

– Дело касается вашего отца, Семена Павловича Иртеньева, – пояснил он.

– Отца?.. – Аня растерялась. Отец давно умер, если это уловка проходимца, а может, чего доброго, не одного, а целой шайки преступников (вон по телевизору какие страсти показывают!), которые вознамерились обчистить богатую квартиру, то предлог для проникновения в жилище выбран более чем неожиданный.

И все же Аня колебалась недолго: имени отца было достаточно, чтобы принять решение.

– Хорошо, встретимся в два часа в «Кофемании» на Большой Никитской. Вы знаете меня в лицо?

– К сожалению, нет.

– Я так и думала, – насмешливо бросила Аня. – Так вот: я одета в светлый брючный костюм, со мной ребенок, мальчик пяти лет, и, вероятнее всего, за моим столом будет присутствовать мужчина. Как вас зовут?

– Матвей.

– Хорошо, Матвей, встречаемся в два.

– Отлично, – сдержанно отозвался собеседник, и Аня повесила трубку домофона.

Некоторое время она в задумчивости ходила по квартире, рассеянно вынимала в большой гардеробной вещи из шкафов, подбирая блузку под брючный костюм, разглядывала туфли, стоящие рядами на полках, – можно надеть вот эти бледно-салатные. Когда погода солнечная, хочется одеваться во все светлое.

Станный звонок, размышляла она, на злой умысел не похоже, но подстраховаться не мешает: аферисты день ото дня становятся изобретательнее. Виктор богат в достаточной мере, чтобы служить приманкой для бандитов, не олигарх, конечно, но ездит на весьма заметной машине, да и у нее не слабый «мерседес», его подарок. Мама каждый день звонит и нагнетает: «Дверь никому не открывай, одна поздно вечером не приезжай, во дворе пусть тебя встречает муж, и вообще, при его-то деньгах мог бы нанять жене телохранителя».

Ага, размечталась! Да он скорее удавится, чем потерпит рядом с ней другого мужчину. К тому же временами становится до смешного прижимист, причем почему-то в мелочах. Может не глядя отвалить на приглянувшуюся Ане драгоценность десятки тысяч евро и вдруг

начинает скардничать из-за лишних ста долларов. При этом заметно мучается и сомневается, парадокс какой-то, честное слово! Будто внезапно вспоминает, что денежки родимые, честно заработанные, счет любят, и принимается считать копейки со сладострастием Скупого рыцаря... Н-да!.. То-то и оно!.. А так вполне нормальный мужик.

Аня наконец оделась, с удовлетворением оглядела себя в зеркалах со всех сторон: фигура безупречная, как всегда, костюм сидит отлично, русые – золото с серебром – волосы после мытья вытянулись в волнистые пряди до самой поясицы, косметики никакой, да и не требуется, можно самую малость тронуть губы помадой, и все – кто скажет, что ей тридцать? Да никто!

Во дворе Аня усадила Темку на заднее сиденье автомобиля, включила музыку; «мерседес» плавно выкатился из приземистой арки на улицу. Ход у машины идеальный, мягкий, едет как по маслу. Когда-то обладание такой машиной казалось Анне недостижимой мечтой.

Аня с детства была непоседливым, энергичным ребенком. Прибавьте к тому честолюбие и трудолюбие, приятную внешность и стремление к доброжелательному общению – все эти качества немало пригодились ей в жизни, и, хотя эта самая жизнь была и обижала ее, как и всех на пути к становлению, она сумела многого добиться своими силами, без помощи родных, которым теперь помогала сама.

Первую свою машину, девяносто девятую «Ладу», Аня купила на собственные деньги. Машина была слегка подержанная, прошлогоднего выпуска, но на вид совсем новая. В девяносто восьмом, когда после перестройки на ноги встали еще немногие, для девушки двадцати трех лет даже подержанная «Лада» была достижением. Тогда она работала менеджером в турфирме и уже прилично зарабатывала. Параллельно училась в институте. Было трудно, но характер Аня имела настойчивый, упорный. Поэтому людей неудачливых и несчастных сама не любила: считала, что проигрывают только лентяи и демагоги, занятые бичеванием общества и тем оправдывающие свою несостоятельность, слабаки, неспособные выдержать столкновения с жизнью, им только и остается завидовать и качать права.

Сейчас, сидя в «мерседесе» – уже третьей своей машине, Аня не чувствовала ничего, кроме того удовлетворения, какое испытываешь от добротной в техническом отношении вещи, и больше никаких нюансов. Бесконечное смакование по телевидению и радио фирменных знаков, дорогих автомобилей, квартир, домов, рассказы вздохом о светских тусовках вызывали у нее презрение и скуку. Да, деньги необходимы, они дают свободу, уверенность в себе, но зачем преподносить обладание дорогими вещами или кривляние в обществе сомнительных знаменитостей как смысл жизни? Нет в этом ничего интересного, уж она-то знает. Однажды Аня слышала, опять-таки по телевизору, как один американский миллионер сказал: «Кто думает, что счастье в деньгах, у того денег не было».

А ведь и вправду ей в жизни чего-то не хватает. Может быть, любви? Нет уж, спасибо, сыта по горло. Почему-то те, в кого влюблялась она, становились требовательны, властны, капризны, порой истеричны, изматывали всю душу и доводили дело до разрыва, правда, оставались в ошеломлении, обнаружив, с какой решимостью Аня шла на разрыв, в этом ей не было равных. Отношения с мужчинами она пресекала безжалостно и разом: терпеть не могла объяснений и сентиментальной тягомотины, а может быть, как сама смутно догадывалась, не любила ни одного по-настоящему. Зато другие, неспособные пробиться к ее сердцу, буквально помирали от любви, сулили золотые горы, чуть ли не валялись у нее в ногах, мигом позабыв о своем мужском достоинстве.

Интересно, мужики сами-то знают, чего хотят?

Почему она вышла замуж за Виктора? Рассудила, что пора рожать второго ребенка, и попросту выбрала его, как наиболее подходящего кандидата. Главное в жизни женщины – это дети, таково было ее глубокое убеждение. Муж должен быть добытчиком, надежным человеком, состояться как мужчина и отец – вот с кем можно создавать семью и растить

детей. Кандидатура Виктора была рассмотрена Аней совместно с мамой, Елизаветой Михайловной, со всех сторон самым тщательнейшим образом, затем представлена на утверждение отчиму, Савелию Николаевичу...

– Мам, а куда мы едем? – спросил Темка.

– Заедем ко мне на работу, ненадолго, потом покатаемся на кораблике, ты ведь хотел.

– А рыцаря?

– После заедем за рыцарем.

На Воздвиженке, несмотря на блеск полированных поверхностей, в помещении дизайнерской фирмы все было обыденно, словно отсутствие Ани никак не отразилось на размеренной жизни этой, попросту говоря, конторы, и что хозяйка есть, что ее нет, никого особенно не волновало. Сотрудники сидели за столами, въехав всеми помыслами в мониторы своих компьютеров, и мудрили с программами.

Аня привезла всем сувениры из Италии, так у нее было заведено: например, Леониду – модную футболку. Леня был страшным шмоточником. Девчонки шептались, что он голубой, – правда, пристрастие мужчин к смене туалетов само по себе не являлось показателем, так как присуще стало многим представителям сильного пола. Подозрение больше основывалось на том, что Леню никогда не видели с девушкой, не засекли любопытным ухом ни одного телефонного разговора, а ведь парню уже тридцать два, к тому же его выдавала некоторая женственность движений и картинность поз, однако удостовериться в голубизне Леонида случая не представилось, стало быть, и утверждать было нечего.

Впрочем, пищи для разговоров и так было предостаточно: Надя в понедельник пришла на работу в синяках. Ужинала с бойфрендом и его друзьями в ресторане, все было чинно, благопристойно, пока добры молодцы не напились. При дамах принялись нецензурно выражаться. Надя встала и ушла. Возлюбленный, возмущившись пренебрежением к своей персоне, в пьяном раздражении навесил девушке фингал.

У Людки суд через два дня: бывший благоверный преспокойно выставил из дома ее и ребенка. Квартира записана на него, он – собственник и считает, что имеет право выгнать на улицу неугодных жильцов, будь то хоть собственный ребенок.

С Валей, главным менеджером фирмы, Аня давно и близко дружила, несмотря на предостережения Виктора – он считал, что со своими служащими надо поддерживать сугубо деловые отношения.

Валентина жила с мужчиной в гражданском браке. Периодически у муженька случались запои. Валя в такие дни часто приходила к Анне домой по вечерам, чтобы излить душу и отдохнуть от пьяного бреда своего сожителя. Жаловалась Анне, что нет приличного мужика на примете, а то давно бы алкоголика вытолкала взашей.

– Ань, тут тебя наш бывший клиент все время спрашивает, – сообщила Валя.

– Это который, Огнивцев?

– Ага, каждый день приезжает, разодетый в пух и прах, машины меняет как перчатки и каждый раз расстраивается – выходит, зря старался. Свой личный интерес маскирует под дополнительными пожеланиями по поводу оформления приусадебного участка. Обсудить их хочет почему-то только с тобой.

– Что ж вы ему не скажете, что я в отпуске, язвы этакие?

– Так интересно, пусть помучается. Небось привык, что за ним бабы гоняются, а тут сам покоя лишился, как не порадоваться на такое зрелище?

Аня раздала сувениры, выслушала последние сплетни, рассмотрела два новых выгодных заказа и с легким сердцем ушла. Ничего, ребята способные, сами справятся.

По Москве-реке Аня с Темкой проехали от Кремлевской набережной до Фрунзенской. На воде было ощутимо прохладно, и Аня опасалась застудить сынишку. Выйдя на пристани, она остановила частника, и путешественники вернулись к тому месту, где оставили

машину. На теплоходе, пока Темка разглядывал проплывающую мимо баржу с песком, Аня успела поговорить по телефону с Виктором. Следует ли ей идти одной на свидание с ново-явленным родственником, спросила она.

– Ни в коем случае, – ответил Виктор. – Я пришлю надежного человека, сам вырваться не смогу. Его Костей зовут, подхватишь по дороге у моего офиса.

В «Кофемании» было довольно многолюдно – время обеденное, – но свободные столики нашлись. Аня рассчитывала посидеть на дощатой террасе, однако после речной прогулки сочла более благоразумным занять места во внутреннем помещении.

Артем, как всегда, пренебрег разнообразием меню и пожелал съесть обыкновенную глазунью из двух яиц, Аня заказала салат «Цезарь» и вареную телятину под соусом, Костя ничего есть не стал, лишь попросил принести чашку кофе.

Через пятнадцать минут в кафе вошел молодой человек и остановился у входа, оглядывая помещение. Встретился глазами с Аней и подошел к столику.

– Если не ошибаюсь, Анна? – произнес он церемонным тоном. – Прошу прощения у вашего спутника, но мне бы хотелось говорить с вами конфиденциально.

– Ребенок вас, надеюсь, не стеснит? – В тон ему, но с легкой иронией осведомилась Аня.

– Ничуть. – Молодой человек внимательно поглядел на мальчика. Сам он был строен, неплохого роста, плечист, внешности, однако, неброской, не сказать, что некрасив, но и ничего примечательного: русые, коротко остриженные волосы, глаза серые, светлые, одет в вязаный свитер и спортивного покроя брюки цвета хаки с большими накладными карманами; по заключению Ани, вряд ли достиг тридцатилетнего возраста.

Костя встал и без разговоров пересел за соседний столик. Аня поблагодарила его взглядом.

– Итак, я вас слушаю, – обратилась она к присевшему напротив мужчине, выдерживая заданную им чопорную манеру общения.

– Позвольте еще раз представиться, – приступил тот, – Матвей Семенович Иртеньев.

Аня как раз поднесла ко рту кусочек мяса, но застыла с вилкой в руке.

– Если вы хотели меня удивить, то вам это удалось. – Она положила вилку и нож на тарелку. – Продолжайте.

– Вы хотите знать, почему у меня такие же отчество и фамилия, как у вас? Именно за этим я и пришел...

– Только не пытайтесь убедить, что у меня объявился братишка, – язвительно перебила его Аня.

– Вам это было бы неприятно?

Несмотря на раздражение, Аня непроизвольно отметила про себя, что у однофамильца какой-то необыкновенно твердый взгляд, так смотрят актеры в кино, изображая крутых профессионалов из военных спецподразделений.

– Зачем затрагивать беспредметную тему? Вам, судя по всему, лет двадцать шесть...

– Двадцать семь.

– Почти угадала... Мой отец был офицером и погиб, исполняя свой воинский долг, когда мне было шесть лет. До того как уйти на последнее задание, он жил со мной и с мамой, мы все очень любили друг друга, и никаких побочных детей у него быть не могло.

– Совершенно верно, я не являюсь вашим братом, не нервничайте так, – улыбнулся Матвей, и при этом лицо его как-то совершенно неожиданно озарилось, словно брызнули во все стороны добрые искорки из глаз.

– Что же тогда вам от меня нужно? – совсем уже вспыхнула Аня наперекор располагающей улыбке собеседника.

Он подался вперед и тихо произнес:

– Ваш отец жив.

Аня молчала, глядя на него с непроницаемым выражением.

– Ваша матушка, Елизавета Михайловна, – продолжал Матвей, – предпочла сообщить вам о его гибели, на самом деле Семен Иртеньев прислал ей письмо, в котором просил прощения за то, что полюбил другую женщину, уверял, что никогда не оставит дочь, будет о ней заботиться, но Елизавета Михайловна видется ему с вами не позволила и даже увезла вас надолго в неизвестном направлении... Я сын женщины, на которой он женился. Семен Павлович усыновил и воспитал меня, и я взял его отчество, фамилию... – Он поколебался и добавил: – Чтобы уж покончить со всем разом, скажу, что сводный брат у вас действительно есть, ему шестнадцать лет и зовут его Сергеем.

По мере того как он говорил, Аня клонила вперед к собеседнику, так что к концу рассказа они сидели, почти сойдясь головами, уставившись друг другу в лицо, как заговорщики. Матвей смотрел с убеждающей настойчивостью, она – почти с ненавистью.

– Что вы мне здесь плетете? – тихо и грубо проговорила Аня. – Вы просто дешевый аферист. Только я вам не пенсионерка, сериалов не смотрю и в душещипательные рассказы не верю.

Матвей выпрямился и откинулся на спинку стула.

– Спросите у Елизаветы Михайловны, – спокойно посоветовал он. Глаза его сузились и снова превратились в два серых камушка. – Мне надо было найти вас, потому что папа...

– Папа?! – вскричала Аня.

– Я же сказал, он мой отец... Семен Павлович серьезно болен. Он хотел бы встретиться с дочерью и внуком...

– Так, все, с меня достаточно! – Аня резко встала и стащила со стула Темку. – Это уже слишком, говорю я вам! Костя, расплатитесь, пожалуйста, я больше не могу здесь находиться.

– Я оставлю свой номер телефона Константину, – скороговоркой бросил ей вдогонку Матвей.

Аня почти выбежала из кафе, волоча за собой недоумевающего Темку, затолкала ребенка на заднее сиденье машины, хлопнулась на переднее и включила зажигание.

– Нет, так дело не пойдет, – сказала себе вслух, стараясь усмирить дыхание. – Надо успокоиться. Ребенок с тобой, дура ненормальная! Опомнись и возьми себя в руки... Куда поедет, малыш?

– В красный магазин. За рыцарем.

– Да, конечно. – Аня радостно засмеялась. Голос сына... Красный магазин... Все постепенно вставало на свои места. Она осторожно вырулила в сторону Охотного ряда, и «мерседес» влился в медлительный поток автомобилей.

Глава 2

– Не переживай, солнышко. Все это можно легко проверить, – говорил Виктор, расхаживая по комнате и жестикулируя. – Завтра поедешь к матери, и все прояснится...

Зазвонил его мобильник. Аня уныло ждала, пока муж обсудит какую-то сделку. Речь шла о земельном участке. Купить, продать, перепродать, суммы, цифры, сроки – боже, этому не видно конца! Кто выдумал мобильные телефоны? И дома от торгашеских разговоров покоя нет.

– Извини, Анечка, неотложное дело... Так о чем мы говорили? – Виктор был в халате, только вышел из душа, его белое лицо покраснелось, гладкие тонкие волосы еще не высохли и были аккуратно зачесаны назад. Умеренная полнота не портила пропорциональную фигуру, хотя он усиленно боролся с лишним весом в тренажерном зале, особенно с тех пор, как познакомился с Аней.

– А вдруг то, что сказал этот тип, – правда?

Аня сидела в кресле у журнального столика, они с Темкой возводили из деталей конструктора замысловатое сооружение, в котором должен был жить рыцарь. Мальчонка от прилежания даже высунул язык. Аня помогала механически, поминутно тяжело вздыхая, как человек, который не может избавиться от гнетущих мыслей.

– Правда или неправда, выяснишь завтра, а сейчас не изводи себя сомнениями. Сама подумай, ты вот сейчас мучаешься, а потом окажется, что молодой человек ошибся, что искал он не тебя, а другую Аню или что речь шла о каком-то другом Иртеневе... Ты не представляешь, какие курьезы случаются в городе с многомиллионным населением.

– Ах нет, – нервничала Аня. – Он назвал имя матери, мое, отца и ни разу не ошибся... Витя, неужели такое возможно? Ведь это какой-то кошмар наяву!

– Зря ты не потребовала, чтобы он показал свой паспорт. Возможно, ты права, это действительно аферист. Он мог выяснить подробности твоей биографии и рассчитывает заманить тебя куда-то под предлогом встречи с несуществующим отцом.

– Точно! – вскрикнула Аня. – Все так и есть! Как я сразу не догадалась! Ой, Витя, нам надо обратиться в милицию. Немедленно! Он оставил Косте номер сотового, пусть они его выследят.

– Не надо в милицию, золотко. Я уже обо всем позаботился. У меня есть знакомые в ФСБ. Они уже занимаются этим родственничком, а ты с утра поезжай к матери. Костя будет с тобой, так что ничего не бойся.

Снова зазвонил мобильник Виктора. Он взглянул на дисплей:

– Ну вот, что я говорил. Алло... да... да... Ты уверен?.. Чертовщина какая-то...

Аня с надеждой смотрела на мужа, пока тот разговаривал по телефону. Она привыкла на него полагаться, он был для нее той пресловутой каменной стеной, за которой можно укрыться от невзгод, все ее затруднения разрешал как по мановению волшебной палочки, хотя она прекрасно знала, что этой волшебной палочкой были его деньги.

Ну и что? Ну и пусть судачат знакомые, что она вышла замуж по расчету. Осуждают-то неудачники, те, у кого ничего нет. С милым рай в шалаше, но детей в шалаше не вырастишь. У нее ребенок, и будут еще, так она решила. А любовь, где она? Неверная птица – расправила перья, покрасовалась, усладила сердце неземным пением и была такова. Мама считает так же, а у мамы опыт и знание жизни.

– Странно... – Виктор положил телефон на стол. – Парня действительно зовут Матвей Семенович Иртенев. Более того, он военный, офицер, больше никаких данных мне не сообщили и посоветовали оставить его в покое...

– Офицер?.. – пробормотала Аня.

– Хорошо, давай взглянем на вещи с другой стороны, – бодро начал Виктор. – Предположим, отец твой действительно жив, в жизни ведь всякое бывает: мать не смогла простить измены мужу и решила отомстить ему тем, что лишила общения с дочерью. Это довольно распространенная житейская ситуация. Вопрос теперь в том, стоит ли тебе делать из этого трагедию.

– Боже мой, Витя, что ты говоришь?! Это не трагедия, это катастрофа!.. Нет, не могу, слишком страшно... Лучше не думать сейчас... Завтра поеду к матери... Пошли спать, Артем.

– А сказку считаешь?

– Обязательно.

Темка, умытый и одетый в пижаму, выбрал на полке книгу и запрыгнул на широкую кровать. Аня прилегла рядом.

– Почитай про Элизу и диких лебедей, – попросил он.

– Ты ведь наизусть знаешь. Давай «Снежную королеву».

– Не-е-е, про лебеде-е-ей...

– Хорошо, хорошо, только не ной, что у тебя за привычка сразу ныть?

Аня читала, а Темка лежал на боку, подперев голову кулачком, и внимательно слушал мать, подгонял ее следующей фразой, стоило чтице задуматься и остановиться.

– «Высоко-высоко летели лебеди, так что первый корабль, который они увидели, оказался плавающей на воде чайкой. В небе позади них стояло большое облако – настоящая гора! – и на нем Элиза увидела гигантские тени одиннадцати лебедей и свою собственную...»

Аня не заметила, как уснула сама. Темку, видимо, сон сморил еще раньше, иначе он подхватил бы нить повествования и продолжал бы шпарить текст наизусть, но в детской воцарилась тишина, неярко горела настольная лампа на прикроватной тумбочке. Аня беспокоилась во сне, что свет мешает, надо бы протянуть руку и выключить лампу, но оказалось, что это вовсе не свет лампы, а закатное солнце, висящее над морем. Тишина наполнилась шумом крыльев. В лицо пахнуло свежим ветром. Она была Элизой и летела в небесах с лебединой стаей, но не в сетке, как это было в сказке, а сидела на спине у старшего братца-лебедя, руки ее утопали в белоснежных перьях, и каждое перышко трепетало на ветру. Она видела перед собой вытянутую, как стрела, шею лебедя и красный клюв, устремленный к намеченной цели, рядом летели остальные братья, равномерно взмахивая могучими крыльями. Лебединые тени скользили по розовым облакам, а внизу было море, необъятное, пронзительно-синее, по морю ходили пенные буруны волн и корабль величиной с чайку. Аня радостно вдыхала всей грудью резкий чистый ветер. Непередаваемый восторг объял ее душу.

– Братья! – закричала она и раскинула руки навстречу облакам. – Родные мои! Как хорошо! Как я счастлива!.. – И проснулась.

Некоторое время она лежала неподвижно, все еще находясь во власти сна, еще переживая очарование полета, наконец нехотя вернулась к действительности. В руках у нее была открытая книга сказок Андерсена. Аня медленно перевернула страницу. Вот они – Элиза и одиннадцать братьев, уже в человеческом облике, у младшего вместо одной руки крыло – не успела сестра закончить плести последнюю рубашку. Элизу обнимает могущественный король, а братья смотрят в небо. В небо... Заклятье снято, путь в небеса закрыт... Она вдруг заплакала, горько, отчаянно, как будто потеряла что-то очень дорогое.

С утра появился Константин, громадный, молчаливый, бесстрастный, одетый в строгий костюм – настоящий телохранитель, хотя Виктор отрекомендовал его как сотрудника фирмы.

– Если позволите, я поведу машину, – предложил Костя.

Аня не возражала. Виктор, как всегда, все предусмотрел: в нынешних разбросанных чувствах Ане лучше не сидеть за рулем.

Дача, принадлежащая семье Половцевых (мать Ани, вторично выйдя замуж, взяла фамилию мужа), находилась в шестидесяти километрах от Москвы в живописном месте, у небольшого лесного озера, где можно было купаться в особо жаркие дни. Сегодня, во вторник, Елизавета Михайловна была дома одна, во всяком случае – первую половину дня. Савелию Николаевичу перевалило за шестьдесят, но на пенсию он выходить не собирался. Как один из ведущих хирургов клиники, Половцев неплохо зарабатывал, работа приносила ему в какой-то мере моральное удовлетворение и ощущение своей значимости. Он любил подчеркнуть при случае, как его ценят и уважают сотрудники и пациенты; главной темой разговоров были блестяще проведенные им операции, которые хирург описывал во всех подробностях, так что Елизавета Михайловна тоже научилась с легкостью изъясняться медицинскими терминами и могла при случае выдать врачебные рекомендации знакомым.

Мать встретила Анну в саду. В руках она держала только что срезанные цветы. Это была худощавая, хорошо сохранившаяся женщина пятидесяти двух лет, как говорится, со следами былой красоты. Следы эти поддерживались ежедневными омолаживающими процедурами, всевозможными масками и кремами, занимающими несколько полок в ванной комнате. Когда-то Елизавета Михайловна была хорошим инженером связи и работала в научно-исследовательском институте, но после развала Союза, а вместе с ним и упразднения большинства НИИ осталась без работы по специальности, мыкалась по непрестижным должностям вахтеров, смотрителей, продавщиц, пока не устроилась по знакомству в клинику делопроизводителем, где и познакомилась с Савелием Николаевичем. Теперь она не работала и вот уже больше года блаженствовала, посвятив себя садовому участку и собственной увядающей внешности.

– Тихо, тихо. – Елизавета Михайловна осторожно поцеловала подскочившего к ней Темку. – Собьешь бабушку с ног. Ох ты, как загорел, бесенок. Хорошо бы еще поправился немного. Здравствуй, Анечка, – произнесла она, подставляя дочери щеку. – У тебя новый кавалер?

– Это сотрудник Виктора. Константин, познакомьтесь с моей мамой.

– Очень приятно, – отозвался Костя с каменным лицом.

– Дядя, а ты не видел мою машину! – закричал Темка и с обычной своей непосредственностью потянул гостя за руку к сараю, где в числе прочих сокровищ хранился детский автомобиль с педалями.

– Неужели Витя внял моему совету и приставил к тебе охранника? – хитро спросила мать. – Ты посмотри – типичный громила с двумя извилинами. Ноль интеллекта, зато сплошная мышечная масса.

– Мама, пойдем в дом, нам надо серьезно поговорить. – Аня решительно направилась к крыльцу.

– Костя, проследите, пожалуйста, чтобы Артем не заезжал на клумбу, – приказным тоном проговорила Елизавета Михайловна – кажется, ей пришло по душе мысль о телохранителе, – затем последовала за дочерью в одноэтажный рубленый домик, где было три комнаты и кухня с настоящей русской печью.

– Вы завтракали? – спросила мать. Она взяла вазу и подставила ее под струю воды из крана. – Если нет, то сейчас накрою. Вот только поставлю цветы... Почему у тебя такое опрокинутое лицо? Что-то случилось?

Аня прошла по комнате, остановилась, глядя на яблони за окном, собралась с духом и резко повернулась к матери:

– Мама, скажи мне правду, папа жив?

Вопрос застал Елизавету Михайловну врасплох. Она застыла с букетом цветов в руках. Один цветок выскользнул и упал на пол, за ним другой, третий... Женщина так побледнела, что Аня испугалась и поспешила усадить ее на стул.

– Мама, тебе плохо?.. Подожди, я принесу воды... Вот, выпей... Где у тебя валокордин?.. – Аня открыла шкафчик с лекарствами, сделала неловкое движение, и пузырьки посыпались на кухонную стойку.

– Не надо, Аня... Аня, ты слышишь? Иди сюда, – прошелестела мать и тяжело оперлась обеими руками о столешницу.

– Значит, правда, – выдохнула Аня и встала перед матерью с потерянным видом.

– Как ты узнала?

– Мне рассказал его приемный сын.

– Добрались-таки... Через столько лет!.. Ну зачем, господи, зачем?! – Елизавета Михайловна затрясла поникшей головой.

– Нет, это ты мне скажи: зачем? Почему ты обманывала меня все эти годы? Какое ты имела право? Я тебя спрашиваю?! – Аня почти кричала. – Ты что сделала, мама? Ты хоть соображаешь, что ты сделала?!

– Анечка, ты ведь ничего не знаешь. Он бросил нас, меня и тебя. Я так его любила, я молилась на него... как я ждала его каждый раз, ночей не спала, ты помнишь? Нет, ты не можешь помнить, ты была слишком мала. Он уходил, а я не находила себе места, мучилась, беспокоилась... – Елизавета Михайловна разрыдалась. – А он... он в это время развлекался с другой женщиной... О да!.. – Голос ее окреп, глаза засверкали. – Я наконец почувствовала, он стал возвращаться сам не свой, он думал о той, другой... Я пробовала до него достучаться, но она отравила его, околдовала, выжгла все, что было между нами. Он начинал дрожать, когда уходил, не мог попасть в рукав шинели и был уже не со мной... не со мной... Я бы могла простить ему измену, но эту страсть, любовь всепоглощающую, губельную я не простила ему до сих пор! Лучше бы он и вправду умер!

Этот вопль горя и отчаяния, исторгнутый из глубины души, потряс Аню. Она смотрела на мать широко открытыми глазами. Страсть, любовь, о которых говорила мать, и теперь владели этой отцветшей женщиной, это была гремучая смесь обиды, любви, мщения, возможно, сожаления и бог знает чего еще.

Самым шокирующим открытием для Анны стало сознание того, что ее родители, которых, как выяснилось, она как следует не знала, способны были на сильные чувства, на те безумные любовь, страсть, которые ей самой не довелось испытать. Как же так? Ведь она их дочь, кровь от крови, плоть от плоти. Что же с ней-то не так?

Мать подняла к ней залитое слезами лицо:

– Прости, я виновата перед тобой. Он много раз пытался тебя увидеть, но я пресекала все попытки, а потом сделала так, чтобы он не смог нас найти... Пойми, я не могла... он должен был исчезнуть, умереть, чтобы выжила я.

Аня повернулась и молча пошла к выходу. Она просто не знала, что сказать. В голове у нее царил полный сумбур, мысли не складывались, какие-то смутные образы теснились в сознании; привычная, устоявшаяся жизнь рухнула в один миг, и надо было как-то выбираться из-под руин, принаравливаться, осматриваться.

Реальным был только Темка. Она ухватилась за него, как за спасительную соломинку, прижала к себе маленькое тельце и понесла в машину.

– Уже уезжаем? – недовольно засопел Темка. – Мам, только ведь приехали.

– Надо возвращаться, малыш. Приедем в субботу. Бабушка плохо себя чувствует.

– Баба Лиза, мы скоро снова приедем! – ободряюще закричал из окна Темка.

Елизавета Михайловна стояла на крыльце, держась за дверную раму. Аня вернулась и обняла мать.

– Мы скоро приедем, – повторила она и пошла к машине.

За окном понеслись назад плотные заросли леса вдоль обочины. Аня подумала, что, двигаясь вперед, всегда оставляешь что-то позади, и каждый раз безвозвратно.

В среду, в девятом часу утра, Аня медленно ехала по Старой Басманной. Впереди троллейбус. Машины в два ряда. Насилу доползла до площади Разгуляй.

Матвей ждал на остановке. Да, военного видно сразу. Стоит прямо, твердо, в самой постановке особая стать и собранность. Одет в гражданское, в руках черная матерчатая сумка с раздутыми карманами. Машину Ани, видимо, не знает, пришлось встать у него под носом, а то бы не сообразил – снаружи через тонированные стекла водителя разглядеть трудно.

Сел на переднее сиденье рядом с Аней, поздоровался.

– Тише, – предупредила она, – Темка сзади досыпает.

Матвей оглянулся. Укрытый пледом Темка спал, уютно свернувшись калачиком на мягком сиденье.

– Все-таки зря вы не согласились ехать на электричке. Устанете, – сказал Матвей.

– Тогда вы меня смените. Умеете водить машину?

– Конечно. Если позволите.

– Сменимся на трассе.

Путь их лежал в гарнизон, который базировался на границе Московской области. Матвей коротко проинформировал, что отец сейчас находится дома, а до этого лежал в госпитале.

Парень, по всей видимости, страдал неразговорчивостью, слова ронял скупой, отрывисто, после чего замолкал на долгое время.

– Вы так и не сказали, что с ним, – натянута заметила Аня.

– Сердце, – ответил Матвей.

Некоторое время ехали молча, глядя перед собой на дорогу. У Ани было много вопросов, но она не решалась их задать, да и не знала, как это сделать, не тянуть же из него каждое слово клещами.

Зазвонил сотовый Матвея.

– Слушаю, Иртенъев... – отчеканил тот, – только выехал из Москвы... так точно, товарищ командир... есть – завтра в 9.00... Всего доброго...

– Так, значит, вы военный? – воспользовалась моментом Аня, чтобы задать вопрос, сделав вид, что только сейчас узнала о его профессии.

– Да, – был ответ.

– В каких войсках служите?

– ВВС.

Аня даже вздрогнула от изумления:

– Вы военный летчик?

Собеседник удосужился кивнуть.

Ане внезапно захотелось остановить машину и как следует рассмотреть своего пассажира. Она слегка затормозила, но вовремя спохватилась.

– Вы летаете на сверхзвуковых самолетах?

– Да, на фронтовом истребителе.

– Ой, я видела, – заволновалась Аня, – на авиасалоне в подмосковном Жуковском. «Русские витязи». Какая красота, слаженность, настоящие виртуозы! Вы на таких самолетах летаете?

– Нет, «Русские витязи» летают на Су-27, – соизволил улыбнуться Матвей, – а я на МиГ-29. Если вы были на авиасалоне, то должны были видеть «Стрижей» – они летают на истребителях МиГ-29... Аня, смотрите, пожалуйста, на дорогу...

– Легко сказать! Первый раз вижу вблизи летчика-истребителя. Космонавтов без конца показывают по телевидению, а пилота ВВС не увидишь никогда. Иногда покажут мельком – в шлемах, в кислородных масках с этими ужасными шлангами, глаза за черным светофильтром. А под масками, значит... – Аня все-таки остановила машину и села вполоборота, с глубоким интересом разглядывая Матвея. Он вдруг как-то по-юношески смутился – надо же, а на вид вроде ничем не пробьешь... Аня безотчетно отметила, что ресницы у него густые, русые, на концах белые, словно обожженные. – В каком вы звании?

– Капитан. Если точнее – гвардии капитан.

– Вы, несомненно, очень мужественный и очень смелый человек, – убежденно заключила Аня.

– Не более чем ваш отец, – возразил Матвей. – Он прошел Афганскую и две Чеченские военные кампании, а мне воевать не пришлось.

– А вы бы хотели?

– Трудный вопрос... Могу сказать, что готов к этому психологически. И еще: когда тебя долго и тщательно готовят к боевым действиям, хочется испытать себя и свою машину в настоящем бою. Наверно, у мужчины это в крови.

Аня усмехнулась:

– У всех знакомых мне мужчин совсем другое в крови... Расскажите о себе. Вы женаты?

– Нет.

– Тогда у вас, вероятно, есть любимая девушка.

Ответа не последовало.

«Да, пожалуй, грубо и нетактично. Только наладила мало-мальский контакт и спугнула. – Аня все же решилась идти напролом: – Подожди, упрямец, я тебя обломаю, при всем уважении к твоей профессии».

– Матвей, давайте не будем играть в молчанку. Вы, насколько помню, не прочь были считать себя моим родственником.

– Этого больше хочет папа, чем я.

– Я всегда считала, что офицеры прекрасно воспитаны.

– Простите, не хотел вас обидеть, я всего лишь объясняю мотивы своих поступков.

– Я поняла, что вы любите Семена Павловича, в таком случае для вас было бы естественно каким-то образом подготовить дочь к встрече с отцом, которого она практически не знает. Снизойдите же со своих заоблачных высот и посвятите меня в подробности жизни вашего семейства. – Последние слова были сказаны шутливым тоном.

– Из меня плохой рассказчик. Попробую описать ситуацию в общих чертах. Мы живем втроем: папа, Сережа и я. Папа на пенсии. Я, как вам известно, служу. Сережа в этом учебном году оканчивает школу.

– А ваша мама? – осторожно спросила Аня.

– Мамы шесть лет как нет в живых.

Машина плавно неслась вперед по широкой автостраде. Аня в раздумье смотрела на дорогу. Нежданно-негаданно накрывала ее плотной волной чья-то незнакомая, чужая жизнь, и не одна – Аню ждала встреча с отцом и с братом, не отмахнешься и мимо не пройдешь.

Она не очень-то любила вникать в проблемы посторонних людей – своих забот выше головы, но о родственниках заботилась до такой степени, что знакомые удивлялись. Были у нее две тетки с материнской стороны, четыре двоюродных сестры и столько же братьев, почти все ее ровесники, кто постарше, кто помладше, на них-то она и распространяла свое

несбывшееся желание иметь большую семью. Родственники жили небогато, и она помогала им при случае деньгами; Виктор, естественно, кривился, но те были людьми порядочными, сами ничего не просили, Анне платили искренней привязанностью и вниманием...

– Вы пошли в авиацию по стопам отца? – спросила Аня.

– Да, только папа служил в армейской авиации, а я выбрал фронтовую.

– Ага, понятно, – мило улыбнулась Аня. – Осталось выяснить, какая разница между армейской и фронтовой авиацией.

– Армейская авиация предназначена для авиационной поддержки сухопутных войск, это боевые и транспортные вертолеты. Папа был пилотом Ми-24. В 1999 году в Дагестане боевой вертолет полковника Иртеньева был подбит в Кадарской зоне. Отец был ранен, чудом остался жив.

– Ранение имело последствия? – Какая-то нотка в голосе Матвея заставила Аню задать этот вопрос.

– Врачам пришлось отнять у него ногу.

Колеса громыхнули на ухабе, и тотчас раздался щелчок – двери разблокировались.

– Умная машинка, – заметил Матвей. – Давайте я поведу, вы, кажется, устали.

– Нет, просто выбоину не заметила.

С заднего сиденья раздался детский голосок:

– Дядь, а как тебя зовут?

– Темка проснулся, – улыбнулась Аня. – Теперь держитесь. Придется выкладывать всю подноготную.

– Меня зовут Артем Соболев, а тебя как зовут? – У Темки была дурная привычка сообщать свои данные каждому встречному.

– Матвей Иртеньев, будем знакомы. – Матвей протянул руку и осторожно пожал маленькую ладошку.

– Хочешь поиграть со мной в «хомячка»? – великодушно предложил мальчик.

– Это как?

Аня снова остановила машину:

– Матвей, если вы не против с ним поиграть, пересаживайтесь на заднее сиденье.

– Смотри, как надо, – поучал Темка. – Быстро жми на кнопки, чтобы плохие не догнали.

Понял или нет?

– Ну, это раз плюнуть. На кнопки нажимать я умею.

Аня слышала, как они переговариваются за спиной, но не понимала ни слова, мысли ее скакали вразброс: значит, Сережа с десяти лет рос без матери, отец тогда же получил увечье... надо подсчитать... Матвею в то время было двадцать один год, он, вероятно, только-только окончил авиационное училище и оказался с мальчиком и инвалидом на руках... Так или нет? Скорее всего, так... Еще неизвестно, что за мальчик. Шестнадцать лет! Самый непредсказуемый возраст... А отец? Многие люди озлобляются из-за несчастий, становятся излишне требовательными и невыносимыми для близких, откуда вообще знать, что он за человек?

Ладно, поживем – увидим. В любом случае долго она с ними остаться не сможет: Виктор и без того встал на уши, чудак, ей-богу, можно подумать, что молодые люди двадцати семи лет, да еще высококлассные пилоты, летающие на МиГах, спят и видят, как бы оболстить тридцатилетнюю замужнюю даму, будто им больше и думать не о чем...

А интересно, о чем он думает там, в полном одиночестве, предоставленный самому себе, среди клубящихся туч – то черных, то синих, дымчатых или малиновых на закате? Или, может быть, над пронзительно синим морем, когда тень самолета скользит по облакам. Ведь там, наверно, начинается иная жизнь, в другом измерении, состояние за гранью возможного – необычное для человека, и мысли должны быть другие, чувства, ощущения... Аня посмотрела

рела в зеркальце на Матвея. Смеется. Улыбка поистине гагаринская. Фирменная она у них, что ли? Или это отражение того, что известно только этим необыкновенным людям, которые, оказавшись на земле, делают вид, будто они такие же, как все...

– Подъезжаем, – предупредил Матвей. – Вы захватили паспорт, как я просил?

Свернули в сторону, на более узкое шоссе, по краям сплошной лес, и вдруг впереди, над лесом, набирающий высоту военный самолет. Еще один. Гул моторов. Значит, аэродром где-то близко.

Дорога уперлась в железные ворота, рядом – КПП.

– Давайте паспорт, – потребовал Матвей и вышел из машины.

Аня видела его голову и плечи в окошке КПП, потом он вышел, за ним солдаты – внутренний наряд комендатуры гарнизона, а может, не солдаты – в званиях Аня не разбиралась, – просто военные, молодые, корректные, в камуфляжной форме, один посмотрел на Аню и Темку внимательно, заглянул в салон, попросил открыть багажник. Аня выбралась, пошла вдоль машины... Крепкие ребята: обычно мужчины таращатся на ее ноги, а эти и бровью не повели, Матвей в том числе. Даже обидно.

Ворота распахнулись и пропустили машину на территорию гарнизона. Все та же дорога, по краям по-прежнему лес, но вот вдруг сразу выросли дома – девятиэтажки, деревянные постройки, сельские домики, церковь; проехали детский сад, Дом офицеров, несколько магазинов...

– А это школа, – сообщил Матвей. – Сережа здесь учится.

– Мама, смотри, коза! – с восторгом закричал Темка, указывая в окно.

– Дожили, ребенок живой козы не видал, – засмеялась Аня.

– Я тебя с этой козой познакомлю, – обнадежил Матвей. – Коза знаменитая, одна на весь городок... Сворачивайте сюда, вон видите дом с частоколом, нам туда.

– Матвей, давай говорить друг другу «ты», я как-то уже устала от официоза.

– Конечно, Анечка, прости, я, наверно, неуклюже себя веду, – смутился Матвей, – к тому же перед папой нам надо выказывать убедительное дружелюбие друг к другу.

– Выказывать? От меня усилий не потребуется, – возразила Аня.

Молодой человек окончательно сконфузился, сообразив, что ляпнул что-то невпопад.

«До чего же милый, – подумала Аня. – Жаль, что не настоящий брат, мы бы с ним подружились».

Она остановила машину у садика с деревянной изгородью. За оградой места для стоянки не оказалось, поэтому пришлось въехать на обочину так, что автомобиль установился с креном на бок. Аня достала из багажника сумки с одеждой и подарками, которые успела купить в Москве. Матвей подхватил сумки и пошел в дом по узкой бетонной дорожке, которая тянулась между ухоженными цветочными клумбами.

– Как красиво, – заметила Аня.

– Это папа увлекается, – пояснил Матвей. – Нашел себе занятие: копается в садике с утра до вечера.

– Дом ваш собственный?

– Нет, гарнизонный. Папа числится в очереди на квартиру. Будем надеяться, чтождемся.

В окне шевельнулась занавеска и показалось чье-то лицо. У Ани екнуло сердце. Темка первый взбежал на крыльцо и по-хозяйски потянул на себя дверь. В коридоре, однако, остановился, увидев перед собой мужчину с палкой, застеснялся, свесил голову и бочком юркнул мимо хозяина в комнату.

Аня стояла напротив отца и смотрела на него неотрывно. Она помнила его очень смутно – память поддерживалась немногочисленными фотографиями, – но теперь узнавала, открывала знакомые, живые черты. Он, видимо, был на протезе – несведущий человек не

понял бы сразу, что у него нет одной ноги. Опирался на трость, одет был в летний свитер из верблюжьей шерсти светло-коричневого цвета, удивительно походил на Матвея ростом и комплекцией, словно тот и вправду был его родным сыном. Аня знала: отец двумя годами старше матери, сейчас ему пятьдесят четыре, на столько и выглядел, но лицо его хранило какую-то укоренившуюся усталость, в глазах – застывшая навек тоска за слезой радости: он заметно волновался и смотрел на дочь с нерешительным ожиданием.

– Что же мы стоим в коридоре? – неловко заговорил Матвей. Он порядком растерялся и забыл элементарно представить их друг другу. – Аня, проходи в комнату.

В это время Семен Павлович протянул руку и погладил Анну по щеке.

– А ведь ты мало изменилась, – сказал он. – Я всегда знал, что ты станешь красавицей.

У Ани почему-то хлынули слезы из глаз, без всякой внутренней подготовки. Она осторожно обняла его – родное существо, одно из самых родных, какие бывают у человека. Не было необходимости привыкать к нему, она помнила его сердцем, своей иртеньевской сущностью, она была его дочерью – и этим все было сказано. Вот и ей выпало счастье выплакаться на отцовском плече, о таком Anne не доводилось даже мечтать.

Отец и дочь стояли обнявшись, а Матвей с сумками в руках застрял посреди коридора с видом человека, который узрел нечто совершенно неожиданное.

Глава 3

Они сидели за обеденным столом. Аня так увлеклась разговором с отцом – им очень о многом надо было рассказать друг другу, – что не замечала, как Матвей выходил из дома, возвращался с пакетами, как громыхал посудой на кухне и вскоре заставил стол тарелками с едой. По квартире распространился аппетитный запах жареного мяса – источником послужили крупные куски, сложенные румяной горкой на подносе в окружении печеных помидоров и мясистых перцев.

– Кушать подано, господа. – Кулинар одарил присутствующих своей замечательной улыбкой.

– Ой, что же это я? Совсем забыла. Матвей, где моя сумка?

Аня принялась вынимать продукты – купила все дорогое: черную и красную икру, армянский коньяк «Наири» двадцатилетней выдержки, колбасы твердого копчения, головку рокфора, балык из осетрины, нарезанный нежными ломтиками, и прочую вкусную снедь.

Темка даром времени не терял, обследовал все помещения. В доме было три комнаты, небогато, но чисто отремонтированные, полы дощатые, крытые коричневой масляной краской. Белые оконные рамы, подоконники и внутренние двери тоже выглядели свежеевыкрашенными. Впечатляющие чистота и порядок не скрывали, однако, отсутствия в доме женщины. Это было сугубо мужское жилище по рациональному раскладу вещей, по строгой обстановке спален, лишенных кокетливых подушек, покрывал, всевозможных забавных вещиц, какими любят украшать комнату женщины, создавая в квартире уют. Печать аскетизма лежала на всем, начиная с непритязательной посуды, кончая простой, но крепкой мебелью.

Темке все же удалось отыскать в сухом чередовании предметов обихода модель планера.

– Ж-ж-ж, – кружил над головой планером Темка. – Дядь, подаришь мне самолет?

– Я бы подарил, только он не мой. Надо спросить у Сережи, он скоро придет, – отозвался Матвей.

– Не будем садиться за стол без Сергея, – предложила Аня.

– Да кто его знает, когда пожалует, – махнул рукой Семен Павлович. – Дело молодое, сбежит куда-нибудь после школы, а мы сиди жди. Давайте-ка подсаживайтесь. Артем, садись рядом с дедушкой, дай хоть поглядеть на тебя как следует.

– Зачем тебе палка? – спросил мальчик.

– Ходить трудно...

– Дедушку ранили на войне, – объяснила Аня.

– Ты солдат? – заинтересовался ребенок.

– Легчик, как дядя Матвей.

– А я... а я... – загорячился малыш, – я, когда вырасту, стану Бэтменом! Дядя Матвей, у тебя такой самолет, как у Бэтмена?

– Нет, брат, у меня лучше. У Бэтмена и не самолет вовсе, так, игрушка. Я тебе, малыш, покажу настоящий самолет.

– И покатаешь?

Матвей озадаченно хмыкнул и почесал в затылке.

– Конечно покатает, – пришла на выручку Аня, – денька через два. Сейчас самолет не летает, его проверяют, ремонтируют.

– А-а, знаю, у него батарейка кончилась, – понимающе заключил малыш.

Матвей расхохотался. Семен Павлович поцеловал мальчика в кудрявую головку.

Аня была похожа на отца, и Темка походил чертами лица на деда.

Иртеньев-старший был из тех мужчин, которые, приобретая с возрастом благородную седину и значимые морщины, от этого только выигрывают. Вел он себя не как больной человек: двигался свободно, иногда порывисто, если не считать скованности, обусловленной наличием протеза, не охал, не кряхтел, не хватался за сердце, как это делают люди, чье здоровье пошатнулось от болезни или от старости. На вид он был крепкий и, несомненно, красивый мужчина. Аня даже подумала, не схитрил ли Матвей, преувеличив его нездоровье, чтобы залучить ее к отцу.

В коридоре громко лязгнула входная дверь. Что-то стукнуло, грохнуло, снова одна за другой хлопнули двери – уже в глубине коридора.

– Сережа пришел, – бесстрастно объяснил Матвей. – Анечка, папа, что же вы сидите? Артем что будет есть?

– Я его накормлю, – заторопилась Аня. – Матвей, какой ты молодец, неужели все сам готовил?

– Сам, сам, Матвей у нас умница, такого еще поискать, – оживился Семен Павлович. – Вот и дом весь в одиночку отремонтировал. На все руки мастер. Если бы не он, Анечка, я бы вряд ли выкарабкался тогда, после Чечни. Впрочем, это длинная история... Да... Матвей, открывай коньяк, выпьем за встречу.

– Пап!.. – сказал Матвей.

– Цыц! Разговорчики в строю! Это тебе нельзя, у тебя завтра полет, зато мне все можно, верно я говорю, Анечка?

– Я не врач, но слышала, что чуточку коньяка можно, – поддержала Аня.

– Ты его не слушай, детка, я здоров как бык, подумаешь – сердце прибарахлило. С кем не бывает... А вот и Сережа. Иди сюда, сынок, познакомься с сестрой.

Юноша бросил на Аню исподлобья отчужденный взгляд, что-то буркнул, с шумом отодвинул стул, сел и принялся деловито накладывать себе в тарелку еды.

Аня смотрела на него, пораженная, – не его поведением, а внешностью: наверное, таким станет Темка, когда вырастет. Почти то же лицо, только более взрослое и замкнутое, лишенное Темкиной непосредственности и простодушия, те же прекрасные карие глаза, опущенные длинными ресницами, губы, щедро выписанные яркой кистью, чистые очертания носа и щек – словом, иртеньевская порода. Волосы волнистые, каштановые, темнее, чем у Артема, но и у того, скорее всего, потемнеют с возрастом.

Он сразу же прочно, как и отец, обосновался в Анином сердце, стоило только его увидеть, как будто она всегда что-то знала и ждала, когда это случится. Аня узнала его мгновенно, хотя никогда прежде не встречала, – ученые, вероятно, немедленно нашли бы тому определение, разложив по стерильным полкам в пробирки все порывы души человеческой, только никто из них так и не смог разобраться, ухватить главного: откуда берется, отчего расцветает в сердцах людей волшебное чувство – любовь.

Сережа, наворачивая еду, мазнул по Ане неприветливым взглядом. Да, кажется, опасения подтверждаются: мальчик ершистый, смотрит как волчонок-одногодок. Подобраться к нему будет сложно, а ведь как-то надо.

Она перевела взгляд на Матвея. Тот ответил извиняющейся улыбкой. Матвей действительно умница, все понимает. «Чудно как-то, – промелькнула мысль, – Сережа мой брат и брат Матвея, а мы с Матвеем чужие друг другу. Да нет, ерунда какая-то получается...»

Размышления ее были прерваны голосом сына:

– А как тебя зовут? – Темка требовательно уставился на Сережу. – Меня зовут Артем Соболев, а тебя как зовут?

Последовала немая сцена. Сережа поднял глаза от тарелки и несколько секунд сосредоточенно разглядывал мальчонку.

– Сергей Иртеньев, – серьезно представился он и протянул Темке руку через весь стол.

– Сергей, ты будешь мой др-руг, хорошо? – Звук «р» Темка произносил раскатисто, с нажимом. – Давай меняться: ты мне подари свой самолет, а я тебе подарю трансформера, давай?

– Давай, – медленно проговорил Сережа, не спуская с мальчика глаз, как будто в свою очередь был чем-то удивлен, потом перевел взгляд на Аню. Она попыталась улыбнуться – вышло, должно быть, ужасно глупо.

Темка соскочил со стула, порывшись в сумке и преподнес юноше трансформера. Тот принялся крутить игрушку с неподдельным увлечением. Темка стоял рядом, прижимая к груди планер, и пытался выдать инструкции:

– Нет, не так, не так, дай покажу...

– Артем, не сломай планер. Он очень хрупкий. Ты сам его сделал, Сережа? – решила воспользоваться ситуацией Аня.

– Не-е, Матвей. Да мне планер сто лет не нужен. Я тебе его так дарю, без обмена, – сказал Сергей, возвращая малышу игрушку.

– Ты, наверно, тоже увлекаешься самолетами? – вкрадчиво продолжала Анна.

– Нет, не увлекаюсь, – жестко ответил юноша и враждебно посмотрел на Аню. – Мне все эти самолеты по барабану... Кстати, тебя вчера полковник Горовой спрашивал, – обратился он к брату с возрастающим раздражением.

– Знаю, – невозмутимо отозвался Матвей, не прерывая трапезы.

– А зачем ты ему нужен, знаешь? Они 35-й после ТЭЧ на старт поставили. Теперь им интересно, выйдешь ты завтра из штопора или нет! – с язвительной злостью выкрикнул Сережа.

– Глупости, не собираюсь сваливаться в штопор, с чего ты взял? Надо облетать самолет после ремонта, только и всего.

– А почему ты? Почему всегда ты?! Пусть Богданов облетывает. Чего они к тебе со старыми мигарями лезут?

– Доверяют, значит. – Матвей улыбнулся и ласково потрепал брата по плечу.

Юноша скрипнул зубами, резко вскочил и выбежал вон. В коридоре в очередной раз хлопнула дверь – вероятно, одной из спален.

Семен Павлович смущенно кашлянул в кулак.

– Не обращай внимания, Анечка, – проговорил он, понизив голос. – Мальчик сложный, возраст – сама понимаешь. Заморочки всякие. К тому же во всех бедах нашей семьи винит авиацию. Нора, мама мальчиков, тоже была летчицей, мастером спорта, работала инструктором в аэроклубе... Ну, не будем о грустном, – бодро встряхнулся он и поднял рюмку с коньяком. – Выпьем за встречу. Хочу поздравить вас, а пуще самого себя с великой радостью...

Отец говорил, а у Ани перед глазами стояло отчаянное лицо матери. Воспоминание о последнем объяснении с Елизаветой Михайловной она гнала от себя прочь: можно было понять мотивы поступков матери, но нельзя было их оправдать. Где-то рядом жили, радовались и страдали родные ей люди, а она даже не знала об их существовании, какая-то большая часть их жизни прошла мимо и была для нее уже невозможна...

Что ж, придется теперь во всем потихоньку разбираться.

– Что такое ТЭЧ, Матвей? – спросила она тоном следователя.

– Техничко-эксплуатационная часть. – Он посмотрел на нее с любопытством, потом мягко добавил: – Да ничего страшного, мальчик напрасно нервничает.

– Матвей имеет классную квалификацию «Военный летчик 1-го класса», – вмешался Семен Павлович. – Он отличный профессионал; на самолете заменили двигатель, надо его облетать.

– Разбиться можно с любой квалификацией, – сурово возразила Аня. – Можно подумать, что реактивный самолет – это невинные покатушки.

– Поздравляю, – добродушно усмехнулся Матвей, – в Серезином полку прибыло.

– Вряд ли он беспокоится без причины. Ведь было что-то, было?.. – допытывалась Аня.

– А у кого не было? В полетах случаются нештатные ситуации. Я, как видишь, жив-здоров. Из-за чего весь сыр-бор, не пойму?

– Сереза в принципе против того, чтобы Матвей летал, – объяснил отец. – Тут наслонение многого – мое ранение в Кадарской зоне в сентябре девяносто девятого, как следствие – гибель Норы, его матери, – все сразу навалилось на ребенка, ведь ему тогда было всего десять. Легко ли было мальчику его лет пережить такую душевную травму?

– Расскажи мне, как все произошло, – попросила Аня.

– Дело в том, что мне тогда не удалось дотянуть вертолет до базы. Машину едва посадил, можно сказать, рухнул как раз у подножия горы Чабан. А там ваххабиты по всему склону. Окопались основательно: пещеры, подземные ходы, бункеры. Поливаешь их огнем, кажется, после такой обработки мышь не выживет, а они все равно бьют из огневых точек.

Двое членов моего экипажа были к тому времени уже мертвы. У меня нога разворочена, связь накрылась. На мое счастье, наши лупили не переставая, а то десяти минут хватило бы чеченам добежать до вертолета. Я пополз в сторону ущелья. Нашел какую-то дыру под камнями и затаился. Как раз дождь пошел – погода вообще плохая была, почва вся склизкая, раскисшая, – так что мой кровавый след быстро смыло. Ваххабиты вскоре подскочили, покрутились у вертолета; увидели погибших ребят, заключили, видно, что было их всего двое, покричали, покричали и побежали обратно в свои укрытия.

Два дня ни я, ни они высунуться не могли: артиллерия и авиация громили позиции врага на полную мощь. На третий день наступило затишье. Хачилаев выпросил передышки, согласившись, чтобы женщины и дети могли покинуть села, попавшие в зону боевых действий. Тогда-то меня и подобрали дагестанские женщины. Я уже был без сознания, так они волокли меня на себе. Я потом пытался этих женщин найти, отблагодарить, но следы их затерялись, имен я не знал... Ездил по селам, спрашивал, кто помнит исход жителей из Чабан-махи, кто летчика спасал – молчат. Горный народ, таинственный народ...

– А что же произошло с мамой Серези? – спросила Аня, не заметив предостерегающего жеста Матвея.

– Кто-то из нашего полка проговорился своей жене по телефону о том, что мой вертолет сбили; об экипаже, мол, пока ничего не известно. Знаешь, как это бывает? Под большим секретом одна сообщила другой, короче, весть распространилась по гарнизону в считанные часы. Дошло до Норы... – Семен Павлович умолк, глядя перед собой остановившимся взглядом.

Матвей, который до этого проявлял признаки беспокойства, теперь поспешил вмешаться:

– Папа, оставим эту тему, лучше покажи Ане сад, какие цветы вырастил, Темка погуляет на воздухе... Смотрите, какой чудесный вечер надвигается.

– Правда, что это мы всё дома сидим? – встрепелась Аня, сообразив, что пора прервать тяжелые воспоминания. – Артем, ты где?.. А где Темка? – спросила она, озираясь.

– Должно быть, у Серези в комнате, – предположил Матвей.

Аня и Матвей на цыпочках подошли к комнате Сергея и тихонько приоткрыли дверь.

Темка в любую поездку брал с собой компактную приставку к телевизору для компьютерных игр. Пока взрослые были заняты беседой, он извлек свое сокровище из сумки и щедро предоставил джойстики в пользование Серезе.

– Во что играют? Что-то знакомое, – шепотом спросил над ухом у Ани Матвей.

– Гонки из «Звездных войн», – повернула к нему голову Аня. Его щека оказалась неожиданно близко, и она едва не коснулась ее губами. На миг горячее дыхание сообщников смешалось. Аня поспешно отвернулась, вдруг устыдившись чего-то. Тем не менее ей захотелось

подольше понаблюдать за игрой мальчиков. – Надо же, Сережа сам совсем как ребенок, – прошептала она. – У него есть компьютер?

– Нет, но скоро будет. Куплю со следующей полочки. Давно собирался.

– Нет уж, позволь, я куплю. Что ты там купишь на свою зарплату? А я привезу ему новейший ноутбук.

– Хочешь задобрить его богатыми подарками?

– Так точно, гвардии капитан Иртеньев.

– Ах вот оно что! Пытаешься сманить у меня братишку?

– Он столько же твой братишка, сколько и мой. Имею полное право.

– Понимаю: быстрый выход на цель...

– Да уж как могу. Ты столько лет пользовался его расположением – мне надо наверстать упущенное.

– Ай-ай-ай! А еще взрослая женщина... Вместо того чтобы найти тонкий психологический подход к неоперившейся юной душе...

– Ну уж дудки! Сроду не маневрировала, я не пилот, а всего лишь взрослая и, представь, богатая женщина.

– Смахивает на упрек. Тебе тоже не нравится моя профессия?

– Напротив, очень нравится. – Она повернулась, оказавшись с ним лицом к лицу в довольно тесном соседстве. Матвей уперся ладонью в дверной косяк, Анна прижалась к стене спиной. Удивительные глаза у этого парня, то холодные, как серое стекло, а то вдруг лучатся веселым теплом. Матвей кажется таким молодым и в то же время старше всех мужчин, каких она встречала. – Ты покажешь мне свой самолет? Я бы хотела увидеть, как ты летаешь.

– Завтра не смогу.

– Это мне в отместку?

В коридоре раздался стук палки, и разговор прервался.

– Сережа опять швырнул сумку и ботинки как попало, – донесся голос отца.

– Не трогай, я соберу. – Матвей направился в прихожую.

– Вот-вот, разбаловал мальчишку вконец, – ворчал Семен Павлович. – Пацан привык, что ты всегда за ним подбираешь.

– Пап, перестань, ты же знаешь – он делает это нарочно. На самом деле, Анечка, – объяснял Матвей, поднимая с пола тяжелый ранец брата, – Сережа чуткий и добрый, ты скоро убедишься. Приходится мириться иногда с его выходками, что поделаешь...

– Ты слишком к нему снисходителен, – настаивал Семен Павлович. – Порой его выходки перерастают в террор. Эх, была бы жива Нора... – сокрушенно покачал он головой, – несчастная судьба, несправедливая судьба...

– Мы когда-нибудь выйдем гулять или нет? – перебил Матвей. – Скоро солнце сядет.

– Мне бы хотелось переодеться, – неуверенно сказала Аня.

– Хорош хозяин! – спохватился Семен Павлович. – На радостях голову потерял. Мы приготовили для вас с Темкой комнату. Заходи, располагайся.

– Об этом не может быть и речи! – уперлась Аня. – Нетрудно вычислить, что это твоя комната, папа. Мы с Темкой отлично переночуем в столовой.

Разгорелся спор. В ходе продолжительных дебатов был предложен компромиссный вариант: Иртеньев-старший занимал кровать Матвея в общей с Сережей спальне, Аня с Темкой водворялись в комнату Семена Павловича, а Матвей вызвался провести две ночи на диване в столовой. Аня стояла на своем, и неизвестно, сколько бы длились препирательства, но тут дверь спальни приоткрылась, и в проеме появились две недоумевающие физиономии – одна повыше, другая пониже. Две пары одинаковых глаз уставились на спорщиков.

– Эй, предки, а ну, тише! Мешаете играть! – скандальным голосом выдал Темка.

На кудрявую головку опустилась рука Сережи, втащила малыша вовнутрь, и дверь захлопнулась.

Аня остолбенела.

– Это кто «предки»? – задыхнулась она. – Это он кому сейчас сказал?

– Полагаю, что под «предками» подразумевались мы с тобой, – деликатно пояснил Семен Павлович.

– Ну, знаете ли!.. Сказать мне такое!.. Боже мой, я похожа на «предка»?! Значит, и Сережа так считает?

– Ни в малейшей степени, – заверил Семен Павлович. – Ты великолепная, редкой красоты девушка. Анечка, вспомни себя в шестнадцать лет и не принимай подобные мелочи близко к сердцу.

– Капитан Иртеньев, чему вы ухмыляетесь? Занесли очко в свою пользу? Рано торжествуете, уверяю вас! – Аня схватила сумку с одеждой и заперлась в отведенной ей комнате.

– Мы ждем тебя в саду! – весело прокричал из-за двери Матвей.

Аня переделалась в сногшибательную белую курточку с широкими рукавами, но крепко схваченную в талии – она знала, что белое выгодно оттеняет ее темные выразительные глаза и золотистую от загара кожу; юбку, пожалуй, надо сменить на облегающие джинсы; волосы можно немного распушить, хотя они и без того достаточно пышные. Какие бы серьги надеть? Эти? С ума сошла! Никто не поймет, что это настоящие бриллианты... Хотя почему бы и нет?.. Обязательно надо надеть... Непременно надо надеть. Отлично! Вот так-то, капитан Иртеньев. Мы тоже не лыком шиты.

Во всеоружии Аня спустилась в сад и обнаружила неприятную картину. У изгороди стояла новенькая беседка, сооруженная, без сомнения, руками того же Матвея. Умелец сидел в беседке за деревянным столом с кружкой чая в руке, слева льнула к нему какая-то крупная пышнотелая девица – что называется, «кровь с молоком» – и недвусмысленно теснила молодого человека объемистым бюстом, который Ане ужасно не понравился, да и вся девица ей сразу категорически не понравилась. Аня терпеть не могла таких покладливых девиц. Бывало, выйдешь с ребенком погулять, а на детской площадке парочка сидит – и лижут, и лижут, даром что дети кругом, приспичило им именно здесь и сейчас, невмочь и невтерпеж, а главное – девицы бесстыжие, на улице готовы на все, лишь бы парня захомутать.

Вот и эта из таких, ишь, жмет, дылда пустомая.

– Анечка, познакомься, это Таня, – сказал Матвей.

– Очень приятно, – ядовито процедила Анна и отошла к Семену Павловичу, который обходил свои владения, придирчиво оглядывая клумбы и деревья.

– Пойдем в беседку чай пить, – предложил отец. – А-а, вижу по лицу, что Татьяна тебе не понравилась. Это она сейчас смелая, пока Сережи нет. Он ее терпеть не может, увидит – живо шугнет.

– Матвей что же, позволяет?

– А он не вмешивается.

– Это как?

– Сохраняет нейтралитет.

– Забавно. Может, и нам ее шугнуть?

– Не знаю, не пробовал. – Семен Павлович с сомнением поглядел в сторону беседки.

– Понимаю: не всем позволено то, что позволено Сереже. Верно?

– Анечка, мы ведь с тобой взрослые люди и будем вести себя как взрослые.

– Черт возьми! Никогда и нигде не чувствовала себя такой взрослой, как здесь. Пап, ты мне лучше скажи, как взрослый человек взрослому, что у тебя с сердцем, а то из твоего старшего сына слова не вытянешь.

– Мое воспитание! – одобрительно крикнул Семен Павлович.

– Ну спасибо, утешил!

– Да ерунда, Анечка, разок сердце прихватило – и вдруг прошибла страшная мысль: ведь так и помереть недолго, а дочку с внуком не повидал...

– Почему ты меня раньше не искал?

Семен Павлович опустил голову:

– Боялся, внутри накрепко засел страх, что ты меня знать не захочешь. Кем я должен был выглядеть в твоих глазах? Что тебе мать наговорила, я ведь не знал. Сначала найти не мог. Наш полк стоял тогда в другой области, и вдруг Лиза исчезла вместе с тобой. Потом меня отправили в Афганистан. Вернулся в восемьдесят восьмом. А через год Сережа родился. Знаешь, дочка, жизнь порой так закружит, что и оглядеться некогда. И все же я продолжал поиски, вспомнил, что у Лизы в Москве тетка бездетная жила. Лиза мне как-то говорила, что тетя хотела ее у себя прописать, чтобы было кому квартиру оставить.

– Да, мы у тетки жили, – невесело подтвердила Аня. – Она нас у себя прописала, только потом поедом ела, все кричала, что нищих облагодетельствовала, тиранила нас с матерью, как могла, издевалась пятнадцать лет, то выгнать грозилась, то под суд отдать – пока ее кондрашка не хватил с досады за собственное великодушие, царство ей небесное.

– Адрес ваш мне удалось разыскать в девяносто седьмом, после того как я в первый раз вернулся из Чечни, – продолжал Семен Павлович. – Написал Лизе, в ответ получил сухую просьбу дочь не беспокоить: Аня выходит замуж, счастлива, об отце не вспоминает, и, кроме вреда здоровью и душевному спокойствию, наша встреча ей ничего не принесет. Ладно, скрепился я, надо еще подождать, думаю, потом съезжу сам в Москву, будь что будет. Поехал, пошел по известному адресу, только ты уже у супруга жила, а где – Лиза напрочь сообщить отказалась. Мы тогда с ней сильно повздорили. Она кричала на весь подъезд: «Уйди, ты ей не нужен, ты для нее умер, так и знай!» – и многое другое...

– Боже мой, если бы я знала, папа... – Аня обняла отца. – Но теперь все будет хорошо, поедом в Москву, покажем тебя лучшим врачам...

– Не-не-не, и думать забудь, теперь, когда у меня все есть, чтобы я по больницам валялся...

На крыльце раздался топот. По ступенькам сбегал Сережа, крепко держа за руку Темку.

– Мам, Сережа мой др-руг! – счастливо сообщил Темка, подбегая к матери.

Сережа тем временем устремился к беседке, уселся напротив Тани и, ни слова не говоря, сосредоточил на ней насмешливый и довольно циничный взгляд. При этом он забрасывал в рот кусочки печенья и, пережевывая, издевательски скалился. Матвей опустил ресницы с таким видом, будто ничего не происходит, Татьяна заерзала на скамейке, потом поднялась:

– Я пойду, дома дел полно. До свидания, Семен Павлович. Всем спокойной ночи.

Матвей поднялся, чтобы проводить ее, они вышли за калитку и говорили о чем-то, пока рядом не возникла худощавая фигура Сережи. Он был в синем спортивном костюме, в кроссовках, руки в карманах, чуть сутулился. Ростом Сережа догнал старшего брата и из-за юношеской худобы казался долговязым. Матвей же был отлично, пропорционально сложен, под одеждой угадывалась развитая мускулатура.

Должно быть, военные летчики много тренируются, подумала Аня, ведь им приходится выдерживать большие перегрузки.

– Кто настоящий отец Матвея? – спросила она, наблюдая за троицей у калитки.

– Нора о нем не рассказывала. Это как раз тот случай, когда отец никогда не интересовался ребенком. Насколько я знаю, Нора до меня не была замужем.

– Понятно, ошибки молодости... А парень хорош!

– Хорош, хорош, парень что надо!

Татьяна пошла вдоль домов по грунтовой дороге с накатанными колеями. Матвей обхватил Сережу за плечи, и братья медленно вернулись в садик.

Глава 4

Наутро Аня проснулась рано, но оказалось, что Сережи и Матвея уже дома нет.

Аня и Темка разделили завтрак в обществе Семена Павловича и решили побродить по городку. Темка с вызывающим видом путешествовал по незнакомой местности с игрушечным автоматом через плечо, как подобает настоящему военному.

Улочки авиационного городка были живописные, зеленые – сейчас кроны деревьев трепетали осенним багрянцем на легком ветру; по тротуарам стлалась палая листва, кое-где высились желтые кучки собранных накануне листьев, скромные сельские домики чередовались с девятиэтажками; ближе к аэродрому – двухэтажные каменные дома, похожие на казармы. По улицам ездили узики, крытые военные грузовики, на обнесенной крашеным заборчиком площадке молодые люди в военной форме разминались с пудовыми гирями – перебрасывали из руки в руку. Несколько детей и пожилых женщин с интересом наблюдали за ними из-за забора. Аня с Темкой тоже посмотрели на упражнения и пошли дальше, миновали длинное здание школы в три этажа – перед фасадом на постаменте высился списанный, печальный, как показалось Ане, истребитель.

Ноги сами понесли ее в ту сторону, откуда доносился гул двигателей, рев форсажей, тянуло запахом керосина.

За городом раскинулся пустырь – полоса сухих рытвин, поросших пожухлой травой, а дальше начиналось ограждение летного поля, и вот там-то на полпути, на желтом холмике, Аня с Темкой обнаружили Сережу. Он сидел на земле, скрестив ноги, и смотрел в небо.

– Сережа! – воскликнула Аня. – Я думала, ты в школе.

Темка подбежал к «др-ругу» и уселся рядом, старательно подобрав под себя ноги тем же манером, что и Сережа.

– Ты куда смотришь? – Темка, щурясь, настойчиво заглядывал Сереже в лицо.

Тот посмотрел на мальчика и погладил его по головке.

– Это Матвей летает? – догадалась Аня.

В небе с ревом пронесился над головой самолет и исчезал в небе так, что разглядеть его было невозможно; через какое-то время снова нарастал вой двигателей, тогда можно было различить в вышине крошечную крылатую машину.

Сережа не отвечал, но губы его шевелились, он что-то бормотал как бы про себя. Аня разобрала несколько слов:

– Переворот... петля... полупетля... горизонтальная бочка... фиксированная бочка... боевой разворот... косая петля... полупереворот... бочка...

– Сережа, что такое бочка, объясни, пожалуйста, мне тоже хочется знать.

Тот посмотрел на Аню с сожалением, как на безнадежную невежду:

– Фигура высшего пилотажа, у нас каждый ребенок знает.

– Так то у вас... – протянула Аня. – А ты говорил, что не увлекаешься самолетами.

– Не увлекаюсь, – упрямо повторил Сергей, – но разбираюсь, это разные вещи. У нас в классе много детей летчиков, только о самолетах и говорят, поневоле начнешь разбираться. – Лицо его омрачилось, в глазах сверкнуло злое отчаяние. – Они ведь все помешанные, их отцы, деды, и Матвей такой. Он без неба жить не может. Для него вся жизнь в том, чтобы летать. Думаешь, его хоть что-то может остановить? Никогда! Они – пленники небес, так и пропадают в небе, как Сент-Эк-зюпери, как мама моя – села в самолет и пропала. – У Сережи вырвался горький смешок, как короткое рыдание. – Получила то, к чему стремилась! А те жалкие останки, что потом нашли и захоронили, – не ее, я знаю. Никто из них не возвращается; в какой-то момент они слишком близко подбираются к Богу и уже не могут вернуться, попросту не хотят. – Юноша судорожно всхлипнул.

Аня обхватила его голову и прижала к себе:

– Это не так, Сережа, родненький, ты сам себя запугал. Папа ведь жив, ногу потерял на войне, но ведь жив...

Сережа резко вырвался и разразился саркастическим смехом:

– Папа жив? Ты ему в глаза как следует смотрела? Не смотрела? Так посмотри! Там ведь одна смертная тоска! Сколько еще он протянет без неба? Год? Два? А ведь ему всего пятьдесят четыре. Нет, говорю тебе, никто из них не возвращается, никто!

– Господи, Сережа! Как страшно то, что ты говоришь!

Он вдруг схватил ее за руки и горячо заговорил, и глаза у него были горячие, сам весь дрожал, как в лихорадке:

– Ань, возьми меня с собой, а? Я буду себя хорошо вести. Буду пай-мальчиком. Не хочу здесь больше оставаться. Не могу! – Ему как будто пришла в голову счастливая мысль, и он болезненно обрадовался: – Я буду за Темкой смотреть. Подумай, мы с ним ладим, тебе же легче станет – я буду с ним играть, гулять...

– Сережа, остановись, зачем ты просишь? – вскричала Аня в совершенном ужасе. – Да я сама тебя должна умолять. Я счастлива тебя забрать... только... Ты это серьезно? Не смеешься надо мной? А если завтра передумаешь? У тебя здесь друзья, школа, подумай, не настраивай меня зря...

– Так возьмешь? Спасибо. Я сразу в тебе почувствовал... Нет, не передумаю. К черту школу! Главное – папу и Матвея убедить. Но ты сможешь...

Скажи – Москва, хорошее образование и все такое, сама придумай... – Щеки юноши пылали, он больно сжимал Ане руки в порыве благодарности.

У Ани в мыслях и чувствах воцарился полнейший беспорядок. Она не знала, радоваться ей или опасаться: во всем поведении Сережи сквозила какая-то необузданность, он словно был не в себе, как будто с головой бросался в пропасть, не думая о последствиях. Одно очевидно: мальчику плохо, он страдает, мечется, и она обязана ему помочь.

Прежде всего надо успокоиться самой и успокоить его.

– Сереженька, мы сейчас пойдем домой и все обсудим с папой. Подумай, ему нельзя нервничать. Прежде всего надо выяснить, как он отнесется к твоему отъезду. Конечно, я скажу, что инициатива исходит от меня – я предложила, а тебе мое предложение понравилось. Мы будем часто приезжать, а если папа захочет, то сам может гостить у нас неограниченное время. Не вижу особых причин, по которым он стал бы возражать.

В небе нарастал оглушительный рев двигателей, все ближе и ближе. Самолет вошел в пике. Сережа стиснул зубы и зажал уши руками.

Матвей появился во второй половине дня. На нем был камуфлированный летный комбинезон без всяких нашивок или знаков отличия, под комбинезоном тельняшка, на ногах – летные ботинки с ремешками у щиколоток.

Он снова сделался немногословен, как человек, занятый своими мыслями; от еды отказался, так как пообедал в офицерской столовой, вышел из дому и ходил по саду, погруженный в раздумье. Аня следила за ним из окна. Она решила в первую очередь обсудить болезную тему с Матвеем и лишь после этого посвятить в суть проблемы отца. Момент был удачный: Темку развезло на свежем воздухе, и после обеда он уснул, Семен Павлович тоже прилег отдохнуть. Сережа, с утра пребывавший в нервном состоянии, не выдержал и сбежал куда-то, предоставив Ане единолично разбираться в семейных отношениях.

– Матвей, мне надо с тобой поговорить о Сереже, – сказала Аня, очутившись у него на пути, когда он в очередной раз мерил шагами дорожку.

– Пойдем присядем, – охотно согласился он и, взяв ее под руку, повел к беседке.

Она опустилась на скамью, он сел рядом, глядя на нее с живым, пристальным вниманием.

– У меня на лице ничего не написано, – мягко пошутила она. – Что ты так смотришь?

– Любуюсь, – признался он. – Не каждый день видишь такую девушку, как ты, да еще так близко. Знаешь, я думаю, красота – тоже талант, одно из тех выдающихся качеств, какими одаривает человека природа.

– Нет, я не согласна, – с улыбкой покачала она головой. – Талант что-то оставляет после себя на земле, а красота быстротечна, эфемерна, сверкнет – и растает без следа.

– Без следа? А Венера Милосская? А боттичеллиевская? А «Я помню чудное мгновение...»? Что это, если не порождение красоты? Женской красоте человечество обязано своими величайшими шедеврами.

– К сожалению, не нашелся еще художник или поэт, готовый воспеть Анну Иртеньеву, – попробовала отшутиться Аня.

– А я чем не художник? Увидишь завтра: я напишу твой портрет в небе. Думаешь, мне такое не под силу?.. Ты еще не знаешь, на что способен летчик Иртеньев...

– Матвей, стой! – осадила его Аня. Вместо того чтобы почувствовать себя польщенной, она вдруг ощутила жгучую обиду. Ведь он действительно смотрел на нее глазами художника, профессионала, аса. Он видел в ней модель, а не женщину, которую можно не только воссоздать силой своего мастерства, но и любить.

Сережа прав: земные блага для Матвея ничто в сравнении с тем, что есть там, наверху. Недаром она угадывала в нем ту особенную отрешенность, какую ни в ком прежде не встречала. В иные мгновения Матвей, вероятно, всей душой и помыслами уносился ввысь, в прекрасную, страшную, торжественную тишину, которая составляла неотъемлемую часть его полетов, туда, где он был по-настоящему счастлив.

– Знаешь что?! – заносчиво выпалила Аня. – Рисуи свою Таню! – Ее подхватил какой-то мстительный, злорадный поток. Она сознавала всю примитивность своего поведения, но остановиться не могла. – Чем не Венера Милосская? Да еще с бюстом Памелы Андерсон.

Он оторопел на секунду, потом неудержимо расхохотался, да так, что не мог остановиться.

– Не вижу ничего смешного. – Аня оскорбленно вскинула голову.

– Извини. Представил Венеру Милосскую... ха-ха!.. с бюстом Памелы Андерсон!..

Аня смотрела на него с недоверием, но он смеялся искренне, заразительно и казался ей сейчас чуть ли не мальчишкой. Неожиданно у нее вырвался смешок, она сама засмеялась, скоро совсем скорчилась, и чем чаще они взглядывали друг на друга, тем сильнее смеялись. Аня со смеху стукнулась лбом об стол, что послужило поводом для очередного приступа хохота.

– Ну вот, теперь будет синяк, – твердила она сквозь смех и терла лоб ладонью.

– Где, где, дай посмотрю... Покажи... убери руку... Да нет, ничего, малюсенькая царапина...

Он вдруг поцеловал ее в ушибленное место, и оба сразу, как по команде, замолчали.

Матвей держал ее голову в ладонях. Они смотрели друг на друга в упор, и тогда он снова ее поцеловал – в губы. Поцелуй длился долго, так как Аня и не подумала отталкивать парня, напротив, сама не заметила, как обвилась вокруг него и унеслась точнехонько туда, куда периодически уносился он, – на седьмое небо, вот что значит целоваться с летчиком! Ничем иным такого блаженства не объяснишь.

Под порывом ветра скрипнула калитка, и Аня отшатнулась, оглянулась в панике, но никого не увидела. Страх прошиб ее с головы до ног. Ну точно лишилась рассудка! А если бы вернулся Сережа? Да она провалилась бы со стыда. Нетрудно вообразить, как бы он ее возненавидел. Таню ведь ненавидит, а тут еще хуже: приехала так называемая сестрица, без

году неделя, и с места в карьер – брата его соблазнять. Причем замужня, старше годами, кем она будет выглядеть в глазах мальчика?

Все эти мысли красноречиво отразились у Ани на лице.

– Ты зачем меня поцеловал? – свирепо набросилась она на Матвея.

Он откинулся на спинку скамьи и пожал плечами:

– Захотелось, вот и поцеловал.

– Захотелось?! – Аня вскочила. – Слушай, ты, часом, не донжуан, капитан?

– Естественно, как любой нормальный мужик.

– Ах так! Не-ет, меня не проведешь, я тебя раскусила. Ты хочешь отвратить от меня Сережу. Доказать ему, какая я дрянь. Просчитался, голубчик! Я забираю Сережу с собой в Москву. Вот так-то! Он сам захотел со мной уехать. Просил меня об этом со слезами. Понятно тебе?

Она ожидала, что Матвей рассердится, возмутится, начнет что-то доказывать, больше всего ей хотелось, чтобы стал оправдываться, но он серьезно смотрел ей в лицо. Молчание затягивалось, пока Аня не сообразила, что Матвей давно уже смотрит сквозь нее.

– Сережа просил тебя? – нарушил он наконец тишину.

– Да, сегодня утром. Я застала его вблизи аэродрома. Он наблюдал за тем, как ты летал. – У Ани прошел запал. Гнев уступил место раскаянию.

– Разве ты сможешь взять его к себе? – Матвей испытующе смотрел на нее. – Как к этому отнесется твой муж?

– Виктор всегда понимает, что для меня важно.

– А ты сама понимаешь, что для тебя важно? И что важно для Сережи?

Она снова присела рядом и взяла его за руку.

– Прости, я наговорила гадостей. Но Сереже сейчас действительно лучше уехать. Тебе ведь ничего не надо объяснять. Где мне тягаться с тобой? Такой любви, какой любит тебя Сережа, мне никогда не завоевать, но никто не запретит *мне* любить его.

Он медленно провел рукой по ее волосам.

– Я не донжуан, – сказал он.

– Мы уедем в субботу. Помоги мне подготовить папу. Как ты думаешь, он будет возражать?

– Скорее наоборот – обрадуется.

– Бедный мальчик, он совсем измучился.

– Да, пожалуй, так для него будет лучше.

Они помолчали. Аня гладила его руку.

– Почему бы вам не ехать в воскресенье? – спросил он.

– Я бы с радостью, но Темка еще с начала недели настроился пойти с Игорем в цирк. Я не могу срывать его встречи с отцом.

– Понимаю.

– Ты обещал показать мне твой самолет.

– Завтра с утра. Я уже договорился, чтобы тебя и Темку пропустили на летное поле.

Разговор с Семеном Павловичем прошел гладко. Правда, он, как и Матвей, усомнился сначала, потерпит ли муж Ани присутствие в доме нежданно свалившегося на голову родственника. Получив всевозможные уверения, успокоился.

– Пусть поживет у тебя, развеется, – сказал Семен Павлович. – Я, честно говоря, серьезно опасался, как бы он не сбежал. Так что это выход для всех нас. Схожу завтра в школу, поговорю с директором.

– Предупреди, что Сережа, возможно, скоро вернется, – подсказал Матвей.

– Как – вернется? – вскинулась Аня. – О чем ты говоришь, Матвей?! Я его не в гости зову. Вы не сомневайтесь, ему у меня будет хорошо. У нас пять комнат, одну полностью предоставлю Сереже. Куплю ему компьютер, да все, что пожелает, в лучшую школу определю. Захочет спортом заняться – пожалуйста, пусть выбирает или может просто ходить в тренажерный зал. Начнем присматриваться, куда ему поступать после школы, педагогов соответственно найму...

– Анечка, не обижайся, ты меня неправильно поняла, – клятвенно заверил Матвей. – Я знаю: ты все прекрасно устроишь. Это я так сказал, на всякий случай...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.